

Ланник Л.В.

DOI: 10.7256/2222-1972.2015.3.16510

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Политические факторы трансформации кайзеровской военной элиты: на пути к рейхсверу 1918–1921 гг.

Аннотация. В статье рассматривается процесс перехода военной элиты из кайзеровской армии в рейхсвер Веймарской республики, осложнявшийся революционными событиями, условиями военного поражения и ограничений Версальского мира. При всех особенностях военной элиты Германии, ее стремлении не поддаться политической конъюнктуре в рассматриваемый период германские военные вынуждены были как никогда серьезно учитывать ряд политических факторов для достижения поставленной ими цели – создания устойчивых и способных к сосуществованию с республиканским правительством вооруженных сил, во главе которых останутся при этом представители элиты, гарантирующие преемственность по отношению к старой армии. Во многом условия, поставленные теми, кто был у истоков рейхсвера, казались едва ли не противоречащими друг другу, не было и необходимого единства внутри самой элиты, сохранялось недоверие к пришедшим к власти левоцентристским силам, однако к весне 1921 г. наиболее бурный период трансформации был окончен. Военная элита продемонстрировала высокую степень самостоятельности и стабильности в последующее десятилетие, однако повлиять на становление власти нацистов в Германии уже не смогла. В статье исследуются структурные перемены в германской армии с учетом политической логики нового командования вооруженных сил. Новизна исследования заключается в анализе динамики и основных факторов трансформации военной элиты Германии с учетом сложной политической обстановки в нарождающейся Веймарской республике. Меняющаяся расстановка политических сил, внешнее давление и попытки ревизии Версальского договора диктовали логику действий командования, а также этику его взаимоотношений с лидерами военизированных группировок. Анализ различных факторов позволяет выявить определенную периодизацию процесса трансформации военной элиты применительно к новым условиям.

Ключевые слова: военная элита, Веймарская республика, фрайкоры, монархисты, путч, Рейнхардт, Грёнер, рейхсвер, Версаль, фон Сект.

Review. This article examines the transition process of the military elite from the Kaiser army to the Reichswehr of the Weimar republic, complicated by revolutionary events, conditions of military defeat and the limitations imposed by the Treaty of Versailles. With all the particularities of the military elite of Germany, its attempt not to submit to the political situation of the period like never before forced the German military to seriously take into account the various political factors in achieving their goal – the creation of a stable armed force capable of coexistence with a republican government, leaving at its head representatives of the elite, thus ensuring continuity from the old army. In many ways the conditions posed by those at the source of the Reichswehr seemed almost to contradict them, nor did the elite possess the necessary unity within itself and maintained a continuing distrust towards the centre-left forces that came to power, but towards the spring of 1921 the most turbulent period of the transformation was over. The military elite demonstrated a high level of autonomy and stability during the next decades, but it was unable to influence the formation of the Nazi government in Germany.

Keywords: Groener, Reinhardt, Putsch, monarchists, Freikorps, Weimar republic, military elite, Reichswehr, Versailles, von Seeckt.

Трансформация элит является непрерывным процессом, темпы и методы которого могут варьировать, в т. ч. под влиянием целенаправленных усилий и сложившихся норм. Военные элиты отличаются спецификой, связанной с ролью офицерского корпуса в поддержании устойчивости не только армии, но и государства в целом. Это тем более

верно для военных элит консервативных монархий (Российская и Германская империи, Австро-Венгрия, Османская империя), где выходцы из вооруженных сил традиционно играли огромную роль в управлении государством, а нормы и этика кадрового офицера определяли логику поступков правителей. Даже при жестко регламентированных отношениях вооруженных сил с обществом,

ограничении попыток контролировать армию со стороны парламента набор факторов, воздействовавших на трансформацию военных элит, включал в себя политические и до 1914 г.

Особый интерес представляет наиболее динамичный этап трансформации военных элит, вызванный финалом Великой войны, драматично проходивший и в Германии. Существует обширная историография, концентрирующаяся, однако, в основном на перспективе дальнейших событий или на политической составляющей, а не на переменных в военных кругах [18, XIX–XXIV]. В революционной обстановке трансформация приобрела достаточно яркие черты, впервые за долгое время подвергаясь существенному воздействию политических факторов, хотя до этого их старались блокировать в военной среде. Разумеется, традиционное дистанцирование кайзеровских военных от политики нельзя было преодолеть полностью даже в ходе революции, однако на этом этапе они вынуждены были открыто признать влияние политических факторов в важнейших для вооруженных сил вопросах.

Хронологические рамки бурного этапа трансформации, грозившего перерасти в катастрофу вооруженных сил в целом или в серию военных путчей с непредсказуемыми последствиями, связаны с двумя датами. 29 сентября 1918 г., когда Людендорф признал военное поражение и попросил политическое руководство о поиске путей к миру [17, 87–92; 21, 232–234], что делало неизбежным крах установившейся в Германии с конца августа 1916 г. военной диктатуры и начало широких политических реформ в Кайзеррейхе ради спасения монархии. Попытки Людендорфа восстановить контроль над ситуацией в октябре 1918 г., отчаянная надежда на *levee en masse* [9] не могли обратить вспять начатые процессы. Финал этому начавшемуся еще до отречения кайзера этапу положило принятие 23 марта 1921 г. рейхстагом закона о рейхсвере, надолго зафиксировавшего особое положение вооруженных сил в структуре государства и прекратившего период неопределенности. В пределах этого промежутка и несколько позже его окончания можно найти несколько реперных точек, которые могли бы претендовать на роль хронологических рамок особого периода. При этом речь идет не столько о событиях политической истории Германии в целом, сколько о происшествиях, значимых именно для военной элиты, – совещаниях в Ставке, датах формирования

фрайкоров, кадровых перестановках. И самые крупные политические события почти никогда не становились переломными моментами для истории офицерского корпуса, за исключением событий 9 ноября 1918 г., где логика хода военных и политических событий оказалась увязана тесно как никогда. Для быстрых перемен по политическим причинам взгляды офицерства были слишком консервативны и инерционны: офицеров слишком долго учили воздерживаться от каких бы то ни было политических демаршей, не считая демонстрации верности монарху. В связи с этим наиболее подходящими рубежами представляются именно вышеуказанные, что не отменяет возможности провести более подробную периодизацию [18, XI–XII].

При оценке масштабов трансформации на этом этапе следует изначально иметь в виду несколько соображений. Во-первых, состояние германской военной элиты к осени 1918 г. При огромных переменных в армии в целом состав военной элиты расширился не столь критически, а всерьез поколебать механизм чиновничьего кадрового офицерства на основе принципа старшинства, за что отвечал военный кабинет кайзера, за всю войну не удалось. Соответствующая статистика карьерного роста кадровых офицеров демонстрирует, что лишь один офицер (В. Грёнер) сумел за всю войну получить 3 следующих чина, а значительный процент офицеров, особенно старших, не добились повышения совсем [22, 168–171]. Качественные сдвиги были очевидны, однако ничего сравнимого с чисткой во французской армии в конце 1914 г. или в русской армии 1917 г. германский генералитет не знал. Поэтому элита «старой армии» в целом полагала, что она оправдала себя на полях сражений, а потому не нуждается в переменных более радикальных, нежели те, что уже наметились в ходе войны [10]. Такие настроения были характерны для части военной элиты и после поражения, хотя мечта о реванше провоцировала на решительные перемены, в т. ч. и в кадровых вопросах.

Во-вторых, при самообмане германских военных относительно состояния германской армии, сохранявшемся вплоть до «черного дня германской армии» 8 августа 1918 г., к осени 1918 г. стало очевидно начало периода перемен. В отставку в последний год войны стали уходить даже самые заслуженные (Войрш, Линзинген), но уже весьма пожилые генералы. Макензен уже не мог найти себе применения даже при блестящем начальнике штаба, а потому оставался на факти-

чески административном посту командующего оккупационными войсками в Румынии. Германия, призвав на службу командующих, ушедших в отставку еще до 1914 г., теперь должна была смириться с тем, что часть генералитета придется заменить «по техническим причинам». Этот процесс означал, что только теперь уходит поколение генералов, которое получило офицерские погоны еще в эпоху войн за объединение Германии или при Вильгельме I. На авансцену выходили офицеры собственно вильгельмовского времени, карьера которых по-настоящему началась уже при Шлиффене. Это были сверстники Людендорфа и офицеры моложе его, люди куда более широких взглядов, нежели предыдущее поколение. Их монархические убеждения были совершенно иного уровня, нежели у их предшественников. Они торопились избавиться от пожилых генералов, мешавших быстро проводить в жизнь важнейшие решения, от тех, кто не мог постичь сути тотальной войны.

В-третьих, важны масштабы задачи по сведению в ходе демобилизации и военной реформы миллионной армии к вооруженным силам более скромного масштаба, чем довоенные. То же, пусть и в несколько иной пропорции, касается и второго по величине в мире ВМФ. При этом была и необходимость приспособления желаемого конечного результата к продиктованным победителями условиям – 100-тысячный рейхсвер и 15-тысячные рейхсмарине, – а детали их прояснялись лишь по ходу этого процесса, требуя почти мгновенных решений. Военная элита – офицеры Генерального штаба и генералитет (адмиралитет) – в отличие от солдатского и обер-офицерского состава не была многочисленной, достаточно велики были и потери [7, 43], но и требования к тщательности отбора были куда выше. Вряд ли кем-либо из военно-политической верхушки Германии сокращение рассматривалось как требование, которое важно выполнить в соответствии не только с буквой, но и духом Версальского мира. Это осложняло задачу трансформации, дополняя варианты временного трудоустройства необходимых в будущем офицеров полуофициальными и нелегальными кадровыми резервуарами в лице различных военных союзов и военизированных организаций. Политическая ангажированность последних ставила перед перспективой политических чисток, пусть и в форме распределения представителей военной элиты между различного уровня организациями – от рейхсвера и

полиции до «Стального шлема» и штурмовиков включительно – в зависимости от уровня их лояльности республике.

В-четвертых, именно у германских военных существовала наибольшая, но иллюзорная уверенность в принципиальной управляемости хода преобразований, даже несколько ускоренного обстановкой военных неудач, а затем революции. На первых этапах от трансформации ждали не столько сохранения имевшегося потенциала, но даже наращивания его за счет оптимизации структуры вооруженных сил и качественного отбора кадров. Пришедшая на военный олимп коалиция лучших офицеров Генштаба была убеждена в своей способности превратить неудачу в выигрыш, упорно занимаясь подготовкой проектов будущих вооруженных сил с учетом прежних ошибок [8, 31, 36, 69]. Для них неизбежность перемен в военной организации была очевидной даже на фоне побед весны–лета 1918 г. [21, 188, 195–198], а потому в массовых отставках осени 1918 – зимы 1919 гг. видели дорогу к действительно назревшим реформам. Этим иллюзиям не суждено было долго просуществовать, ибо революционные события приносили элемент стихийности, не совместимый с проектами контролируемой трансформации вооруженных сил. Диктат Антанты и меняющаяся обстановка на границах Германии делали надежду на поэтапную реализацию желаемого утопической.

В-пятых, военная элита испытывала сильное влияние сложившихся ранее моделей отношений, сохранялось недоверие между фронтовыми командирами и офицерами Генштаба, в сложном положении оказались гвардия и те, кто себя с ней ассоциировал. Была определена ревность офицеров основных родов войск к новым составляющим частям армии, в особенности сухопутных войск – к авиации и бурно развивавшимся в 1914–1918 гг. техническим родам войск, а также тяжелой артиллерии, до войны зачастую остававшимся на периферии внимания военных инстанций. Слишком много оказалось офицеров-кавалеристов. Во флоте зависть испытывали к героям-подводникам и командирам миноносцев, ведших активные боевые действия, пока был обречен на бездействие линейный флот. Эмансипации на флоте требовали технические специалисты, т. н. Deckoffiziere. В армии обострилась проблема соотношения кадрового и резервного офицерства [4, 313–328]. Версальские ограничения усиливали взаимную подозрительность: ведь летчики и подводники

долгое время были героями дня и надеялись на продолжение блестящей карьеры.

В-шестых, на фоне громких отставок и ликвидации ведомств продолжали сказываться сложившиеся задолго до этого или обострившиеся в нервные месяцы революции и подготовки Версальского мира личные конфликты. Весьма сложные отношения связывали не только политиков и военных, но и генштабистов, взявших в свои руки создание рейхсвера. Сложившийся в 1919 г. треугольник Грёнер–Рейнхардт–Сект не мог похвастаться ни идейным, ни эмоциональным единством. В самые острые моменты, когда судьба будущих вооруженных сил зависела от их сплоченности, они доходили до прямых оскорблений в адрес друг друга, плели интриги, пользуясь связями в политических кругах, с огромным трудом оставаясь в рамках четкой военной этики и субординации [4, 329–331; 16, 90–94; 12, 138–139]. Не были согласны друг с другом Сект и начальник кадрового отдела рейхсвера генерал фон Браун, стремившийся оставаться в рамках бюрократической традиции военного министерства и противившийся многим отставкам. Хватало принципиальных разногласий по стратегическим вопросам развития будущих вооруженных сил, когда сталкивались адепты обороны и сторонники блицкрига по шлиффеновским образцам, но на новом техническом уровне [3]. И те и другие полагали именно себя идейными наследниками классиков германской военной мысли [11]. Это происходило на фоне структурных проблем, непривычной ситуации, когда военным приходилось подчиняться гражданскому лицу – министру рейхсвера Носке, хотя эта кандидатура казалась военным как нельзя более удачной [8, 118].

В-седьмых, при решении вопроса о месте в рейхсвере или, наоборот, об отставке важной была проблема личных контактов представителей военной элиты с политическими деятелями, тем более из бывшей оппозиции [18]. Начало этому положил знаменитый «пакт Эберта–Грёнера», который стал возможным благодаря наличию у Грёнера связей с общественными кругами еще с 1916–1917 гг., а за слишком опасную готовность к уступкам профсоюзам он и был отправлен Людендорфом на фронт, о чем было известно. Эберт не раз лично блокировал попытки уйти в отставку В. Рейнхардта, которого связывали тесные отношения с Г. Носке. Однако, после того как в рейхсвере возобладали Г. фон Сект и его сторонники, эта зависимость от взаимодействия с политической элитой ушла в прошлое, сменившись

упорной работой военных по возвращению себе полного контроля над вооруженными силами, увенчавшейся успехом в 1928 г. Между Сектом и новым (с весны 1920 г.) министром рейхсвера Гесслером отношений, аналогичных связке Носке–Рейнхардт, не сложилось, влияние этого фактора так и осталось особенностью лишь самого бурного периода трансформации.

Непросто проходила реорганизация управления военной машиной, из трех основных военных ведомств кайзеровской Германии сначала был расформирован военный кабинет кайзера, а затем ликвидирован Большой генеральный штаб. Приходилось приспосабливаться и к структуре мирного времени, когда больше нет всесильной Ставки или отдельных командований по охране границы «Север», «Восток» и «Юг». Нелегко было преодолеть претензии и недоверие между офицерами из разных ведомств, конфликтовавших друг с другом десятилетиями. Военное министерство было радо единоначалию, однако оказалось совершенно не готово немедленно воплотить в жизнь свои проекты [7, 104; 8, 36, 54]. Еще более тяжелой проблемой считали и взаимодействие с рейхстагом республики: ведь военным и с кайзеровским парламентом было сложно вести диалог.

На фоне иллюзий управляемости процесса очевидны и поставленные изначально цели и политические идеалы будущего рейхсвера у тех, кто оказался во главе процесса трансформации. Очевидно, что применительно к военной элите стремились к максимальному сохранению кадрового потенциала в ходе отбора специалистов, причем всех родов войск, включая впоследствии запрещенные. Должно было быть обеспечено идейное единство, а в идеале – и однородность офицерского корпуса, которой гордились еще до войны, хотя в действительности ее давно уже не было. При учете политических реалий эти установки приводили к неприятным следствиям: сверхстойчивая военная элита при явно хрупкой республике провоцировала на абстрагирование военных от политики, что было опасно для веймарской модели государственного устройства, ведь военные рано или поздно стали бы слишком дисгармонировать с изменившейся правящей элитой. После проведения необходимой трансформации попытка едва ли не остановить политическую эволюцию вооруженных сил никак не могла быть состыкована с желанием оставаться на высоком техническом уровне вопреки версальским ограничениям.

Оценить успехи и неудачи выполнения этой многогранной задачи вполне можно по тому, как проявили себя представители кайзеровской военной элиты в ходе событий 1923, 1926, 1928, а особенно 1932–1934 гг. В последующие годы истории Веймарской республики сказывались не только результаты трансформации 1918–1921 гг., но и естественный процесс медленного обновления кадров и вновь проявившиеся политические обстоятельства, но тенденции были заложены именно в первые послевоенные годы. Судя по развертыванию вермахта и кригсмарине в 1935–1939 гг., военные задачи рейхсвером были решены блестяще. С политической же точки зрения германская военная элита полностью провалилась в реализации своих целей в 1932–1934 гг., а затем в 1938 г., хотя определенное единство ей удавалось поддерживать вплоть до 20 июля 1944 г. с помощью самых различных составляющих особой военной этики.

Трансформация германской военной элиты во многом была сведена к отбору, осуществлявшемуся при учете многих политических факторов, хотя по возможности воздействие последних маскировалось или деформировалось иными соображениями. Можно выделить целый ряд категорий представителей военной элиты, кого в рейхсвер попросту нельзя было брать, исходя из вышеперечисленных целей и политических обстоятельств.

Фактор возраста якобы не имел отношения к политике, хотя в действительности возраст сильно коррелировал со степенью преданности монархии и лично кайзеру. Массовый уход в отставку генералов старше 60 лет почти гарантировал, что уйдет поколение, идейно сформировавшееся еще в годы правления Вильгельма I и не склонное к анализу или критике института монархии и самого правителя. Сделать таких генералов даже «республиканцами по разуму» и заставить их как-то принять новый политический режим было невозможно. При сокращении вооруженных сил для генералов старше 60, имевших чин полного генерала, а то и генерал-полковника, не оставалось должностей. В будущем рейхсвере было лишь несколько дивизий, которые могли быть объединены в корпуса, а также несколько высших постов. Из-за высокого звания в отставку были отправлены даже блестящие специалисты и младше 60, например 58-летний Э. фон Фалькенгайн. Этот генерал от инфантерии вряд ли мог быть востребован теперь, если только не вручать ему руководство

всем рейхсвером, о чем не могло быть и речи. Процесс постепенного увольнения высокопоставленных, но сочтенных неперспективными военачальников продолжался до 1922–1924 гг., когда их окончательно сменили получившие очередное звание представители блестящей плеяды офицеров Генштаба поколения Секта, Грёнера, Хайе и других.

Не могло быть места в рейхсвере и «августейшим» командующим, хотя некоторые из них были достаточно компетентны, например Рупрехт Баварский, а другие были готовы служить республике: кронпринцу Вильгельму в просьбе поступить на службу в рейхсвер отказал Эберт. Разумеется, причины категорического отказа представителям бывших правящих династий были стремлением не провоцировать взрыва недовольства таким явным пренебрежением к результатам революции. Надежда на то, что антимонархический угар пройдет и можно будет вернуть молодых династов на командные посты в рейхсвере, стоила Секту его поста осенью 1926 г. Даже спустя 8 лет после свержения монархии известие о том, что старшему внуку кайзера разрешено участвовать в осенних маневрах, привело к отставке лица, полагавшего себя неуязвимым [20, 534–548].

В связи с этой проблемой следовало заняться и теми, кто никак не мог быть монархистом умеренным, т. е. хотя бы не призывать к свержению республики. Это почти автоматически исключало из рядов претендентов на место в рейхсвере большинство представителей аристократии, хотя процент дворян в рейхсвере неуклонно возрастал, превысив показатели довоенной армии. Терпимость политического руководства в отношении монархических взглядов офицерства и тем более генералитета простиралась достаточно далеко. Так, Сект говорил открыто, что «мирится с республикой лишь с отвращением», а также полагал, что офицерам можно распевать «*Heil Dir im Siegerkranz*», пока это их частное дело. Но при этом абсолютно неприемлем был генерал Меркер, заявлявший в 1919 г. о том, что он верен кайзеру так же, как и в тот день, когда приносил ему присягу [4, 307–308]. Не было места в рейхсвере и личным друзьям той или иной царственной особы, генерал- и флигель-адъютантам. А среди этой категории были блестящие офицеры Генштаба, например, бывший начальник штаба у кронпринца граф Ф. фон Шуленбург. Вполне сочувствуя последним и не желая терять их потенциал, руководители рейхсвера старались использовать их в качестве военных советников

и своих представителей, контролирующих развитие военизированных организаций.

В первые месяцы после Ноябрьской революции особым недоверием были отмечены те, кого полагали олицетворением пруссачества. Целый ряд кадровых назначений привел к тому, что доля представителей Пруссии, и особенно выходцев из остэльбских ее регионов, оказалась непропорционально низка, при том что другие регионы (особенно Бавария) пользовались превеликим вниманием центрального правительства к своим партикуляристским настроениям. Долгое время сохранялось особое положение Баварии, а во главе соответствующего военного округа рейхсвера как до «Пивного путча», так и после могли находиться только баварцы (Лоссов, затем Кресс фон Крессенштейн). Два последних рейхсканцлера Второго рейха были из Баварии и Бадена, их преемник во главе СНУ родился в Гейдельберге, из Вюртемберга были фактический глава 4-го Верховного главнокомандования В. Грёнер и военный министр В. Рейнхардт, а его предшественник Шойх был из Эльзаса. Неудивительно возмущение адъютанта военного министерства: «Где же наши пруссаки?» [8, 57]. Впоследствии после решительного сопротивления разделению Пруссии в составе будущей республики антипрусская истерия несколько улеглась, так и не спровоцировав попытку отделения ультраконсервативного Остланда во главе с О. фон Беловым.

Последнему при всем его громадном авторитете и высоких профессиональных качествах в рейхсвере служить не довелось: ведь он являлся лидером потенциального военного путча, который был с трудом предотвращен накануне и сразу после подписания Версальского мира [5]. Категорический отказ от последнего ставил под угрозу Веймарскую республику, причем не только изнутри, но и извне, поэтому никаких шансов на закрепление в вооруженных силах новой Германии не было как у лихого фронтового командира Р. фон дер Гольца, так и у такого блестящего начальника штаба, как Г. фон Куль. Многие из тех, кто колебался в июне 1919 г., не присоединиться ли к мятежникам, вынуждены были дать серьезные гарантии по отказу от антиверсальских демаршей, например Хайе. Версаль стал роковым и для тех, кто, наоборот, вынужден был взять на себя ответственность за его подписание, а потому надолго должен был покинуть рейхсвер Грёнер.

Избавлялись от принципиальных антисоциалистов, от тех, кто годами воспитывался в

непримирении даже СДПГ, не говоря уже о ее левых фракциях, от тех, кто полагал, что все социалисты – представители *vaterlandslose Gesellen*. Многие попросту не могли присягать на верность республике [7, 104, 156], полагая себя, несмотря на освобождение их от присяги кайзеру, верно-подданными монарха или стыдясь своего поведения в ноябре 1918 г., когда военные не смогли решительно поддержать кайзера. С большим трудом воспринималось военными и республиканское знамя, а попытки восстановления черно-бело-красного стяга вызвали не один конфликт в истории Веймарской республики. Создатели рейхсвера, верные курсу на избегание возможных конфликтов, стремились не допустить публично отказа от сотрудничества с социалистами.

В связи с нотами Вильсона осени 1918 г. стали расставаться с теми генералами и офицерами, кто был прочно связан с военной диктатурой. В том, что самого Людендорфа в рейхсвере быть не могло, едва ли стоило сомневаться: терпеть его в рядах даже мизерных германских вооруженных сил Антанты бы не стала. Однако этим дело не ограничивалось. Не нашлось места в рейхсвере «правой руке» Людендорфа по Ставке Бауэру, фактическому командующему на Востоке М. Гофману, Бартенверферу, Николаи. При этом тем, кто сотрудничал с Людендорфом, но сохранил репутацию самостоятельного профессионала – например Ветцелю или Хефтену, – в рейхсвере были рады, не желая терять специалистов, хотя могли отправить на второстепенные посты, в т. ч. и в официально невоенные структуры (в Рейхсархив).

Помимо многочисленных условий, по которым было нельзя в рейхсвер и рейхсмарине принимать некоторых офицеров, в 1919 г. имелись соображения, фактически обязывавшие выделить место в командных структурах хотя бы временного рейхсвера тому или иному генералу или офицеру Генштаба. Первым примером подобного рода является П. фон Гинденбург, оставшийся во главе вооруженных сил Германии после отречения кайзера по просьбам политического руководства, чтобы обеспечить спокойный вывод войск на родину, а желательно и их демобилизацию. Заправлявшие теперь генштабисты не слишком ценили полевых командиров, они вынуждены были лишь терпеть их из-за популярности и для подавления мятежей ультралевых. Нежеланием обострять отношения с фрайкорами были вызваны новые назначения для Леттова-Форбека, Люттвица и им

подобных. Не сразу удалось уволить из армии и тех, чьи части застряли в охваченной Гражданской войной бывшей Российской империи: ведь всякая отставка командующего провоцировала новую волну анархии и паники среди солдат, что офицеры «их здесь бросят» [6]. По завершении наиболее опасного этапа вывода войск к весне 1919 г. генералы один за другим отправлялись в отставку, в т. ч. Э. фон Фалькенгайн.

Создатели рейхсвера вскоре стали избавляться от одиозных фигур событий зимы 1918–1919 гг., в особенности от лидеров столь необходимых когда-то фрайкоров. Делалось это с нарушением данных им обещаний о включении в состав временного рейхсвера на правах отдельных бригад. Ранее частично эти обязательства были исполнены, однако только для того, чтобы лишить потенциально опасные части их харизматических лидеров, теперь оказавшихся подозрительными для веймарской коалиции. Начался процесс удаления последних из рейхсвера. Был достаточно быстро отправлен в отставку генерал Леки, а затем – его преемник на посту командующего войсками в Берлине В. фон Лютвиц, а также упоминавшийся выше Г. Меркер, командир морской бригады Эрхардт и другие. Г. фон Сект к солдатам фрайкоров и их офицерам относился крайне скептически [14, 126]. Неподчинение приказам из Берлина воевавших в Прибалтике добровольческих частей довело Г. Носке в октябре 1919 г. до угрозы расстрела каждого, кто осмелится прийти на помощь боевым товарищам в Курляндии, хотя и это не слишком помогло [19, 893]. Очередная волна чистки после путча Каппа–Лютвица [14, 48] дала повод избавиться не только от его сторонников, но и от не слишком решительных противников, даже от тех, кто был дезориентирован ходом событий, но попытался вернуться к повиновению Эберту. Последнее особенно показательно на примере П. фон Леттов-Форбека, отправленного в отставку лишь в октябре 1920 г.; даже громадная популярность его карьеры в рейхсвере не спасла, хотя в свои 50 лет он мог бы рассчитывать на блестящее будущее.

Более осторожно по отношению к героям контрреволюции приходилось действовать на флоте. После триумфально проведенной акции по затоплению судов в Скапа-Флоу офицеры флота, униженные и обозленные упреками в том, что именно ВМФ стал ядром революции, несколько оправились от лихорадочного стремления «загладить вину» за события в Киле. Флот-

ское офицерство приняло крайне активное участие в подавлении восстаний ультралевых, а потому даже сравнительно умеренная его часть вряд ли смирилась бы с командующим, готовым на далеко идущие компромиссы с республиканскими властями. В попытках не раздражать флот правительство Веймарской республики не сразу решилось на увольнение поддержавшего Каппа М. фон Левецова, а также его шефа – адмирала фон Троты, тем более что высших командных кадров для флота из-за массовых отставок даже не хватало. Например, не стал служить в рейхсмарине адмирал фон Ройтер, командовавший в Скапа-Флоу, за его пределами остались герои Скагеррака Р. Шеер и Ф. Хиппер. Не мог остаться на флоте и статс-секретарь морского ведомства в правительстве Макса Баденского Риттер фон Манн, планировавший потопить подлодками восставшие в Киле суда Флота Открытого моря. В 1920 г. пришлось даже возвращать из отставки тех, кто был готов служить республике, например П. фон Бенке, который многое сделал для восстановления германского флота. Насколько это было возможно, во флоте были сохранены и асы-подводники, хотя слишком громких фамилий, потопивших десятки тысяч тонн грузов, пытались поначалу избегать, чтобы не раздражать Антанту. Подводники же были намерены вернуться к службе на субмаринах и к развитию стратегии и тактики подводной войны при первой возможности [2, 9].

С апреля 1920 г. окончательно возобладала линия Г. фон Секта, который был твердо намерен оставить в командовании вооруженных сил тех, кто будет четко выполнять свои обязанности, подчиняясь только командованию, а не радикальным военизированным группировкам или местным политикам, тех, кто желательно и вовсе откажется от какой бы то ни было политической позиции, тех, кто согласен поступиться символами, наиболее раздражающими солдат и республиканское правительство, но при этом не потерял уважения коллег в тяжелейшие месяцы крушения «старой армии» – не выпустил из рук управления, не спасовал перед солдатскими советами, кто хоть как-то сумел сохранить боеспособность своих частей. Ненавидимые многими офицерами генералы, державшиеся только на придворной протекции и не проявившие себя в по-настоящему сложной ситуации осени 1918 г. (например, Лиман фон Сандерс), были тут же отправлены в отставку. Осложнили себе дорогу в рейхсвер и те, кто поддался искушению воз-

главить различные ополчения (вплоть до штудентенвера) и местные отряды охраны порядка («народные армии»), – их Сект полагал не слишком благонадежными. Надеявшиеся на создание прореспубликанских и радикально обновленных вооруженных сил с 1920 г. стали уходить в отставку добровольно [8, 12, 164]. Если временный рейхсвер стремились сделать результатом реорганизации всего государства в целом, то рейхсвер Секта был более сконцентрирован на преемственности по отношению к «старой армии» [23, 31]. Разувевшиеся в возвращении на службу генералы и адмиралы стали пробовать себя в политике, военные профессионалы, не считавшие это возможным для себя, занялись военной аналитикой или же стали военными советниками там, где германский опыт оказался особенно нужен в 1920-е гг., в их числе М. Гофман и Г. фон Сект.

Вряд ли можно считать, что для Секта и тем более отвечавшего за отбор офицеров фон Брауна профессиональные качества офицера были безусловно важнее всех прочих факторов. В частности, в его рейхсвере, стремившемся к максимальному тактико-техническому взаимодействию родов войск, так и не служил лучший артиллерист кайзеровской армии Г. Брухмюллер, что следует считать тяжелейшей ошибкой. Политические соображения, пусть и в форме желаний предотвратить раскол в военной элите по политическим причинам, возобладали. Воздействие политических факторов тревожило новых лидеров военной элиты, однако они полагали это временной и необходимой уступкой, планируя сосредоточиться на чисто военных вопросах в дальнейшем. С большим искусством и тщательностью Сект стремился вывести рейхсвер из-под подозрений со стороны пришедших к власти социалистов, однако при этом он никогда не ставил целью создание по-настоящему пре-

данного, а не только лояльного Веймарской конституции офицерского корпуса. Монолитность и подчинение омолодившейся военной элиты лично командующему рейхсвером, но не военному министру, о чем сам Сект заявлял не без самодовольства [14, 54], была им достигнута, что контрастировало с трагедией раскола военных элит в России, Австро-Венгрии или Турции. Как «революционный», так и «контрреволюционный» уклон в командовании был ликвидирован. На пенсии оказались тысячи офицеров [24, 159], и не все из них смирились с этим, испытывая определенные надежды на возобновление военной карьеры. Создатель рейхсвера сумел свернуть многообразный и бурный процесс трансформации к казавшейся почти автоматической системе обновления командных кадров по принципу старшинства, причем более высокими темпами, нежели в кайзеровской армии [22, 172–173]. Для сохранения максимума кадров (а их при необходимости можно было быстро инкорпорировать в военный аппарат) были задействованы всевозможные структуры, включая полицию и военно-исторические комиссии.

Старая проблема аполитичности вооруженных сил, лишившихся вместе с падением монархии всякого основания для такой позиции, была лишь заретуширована, о ней постарались забыть, полагая, что это и есть лучшая гарантия устойчивости республики. После победы Гинденбурга на выборах 1925 г. дистанцирование командования рейхсвера от политиков воспринималось, скорее, как плюс, а последовавшие назначения Грёнера, Папена и Шлейхера в правительство [13], казалось, только подтверждают уверенность рейхсвера в контроле над политической ситуацией. Уже летом 1934 г. монолитному, но не сумевшему сдерживать нацистское правительство рейхсверу пришлось пожалеть о своих иллюзиях.

Библиография:

1. Балк В. Развитие тактики в мировую войну. Пг.: Изд-во Петроградского ВО, 1923. 388 с.
2. Деиц К. Десять лет и двадцать дней. М.: Центрполиграф, 2007. 495 с.
3. Корум Дж. С. Корни блицкрига: Ганс фон Зект и германская военная реформа / Пер. с англ. Е. Дурнева // [Электронный ресурс] – URL: <http://militera.lib.ru>. (дата обращения: 12.12.2014).
4. Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов: Изд-во СГТУ, 2012. 536 с.
5. Ланник Л. В. Заканчивать ли войну? Германская военная элита между Компьеном и Версалем // Первая мировая, Версальская система и современность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 230–242.
6. Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем., комм. и науч. ред. Л. В. Ланника. М.: Посев, 2014. 256 с.
7. Adjutant im preußischen Kriegsministerium, Juni 1918 – Oktober 1919. Aufzeichnungen des Hauptmanns Gustav Böhm / hrsg. von H. Hürten, G. Meyer. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1977. 168 S.
8. Aus den Geburtsstunden der Weimarer Republik. Das Tagebuch des Obersten Ernst van den Bergh / hrsg. von W. Wette. Düsseldorf: Droste, 1991. 263 S.

9. Geyer M. The German debate about a levee en masse in October 1918 // The Journal of Modern History. Vol. 73. № 3 (September 2001). P. 459–527.
10. Gleich G. v. Die alte Armee und ihre Verirrungen: eine kritische Studie. 2. Aufl. Leipzig: Koehler, 1919. 100 S.
11. Groener W. Das Testament des Grafen Schlieffen: Operative Studien über den Weltkrieg. B. E. S. Mittler & Sohn, 1926. 244 S.
12. Guth E. Der in der Revolution 1918–1920. Frankfurt/M.; Bern; New York: Lang, 1983. 256 S.
13. Hürter W. Wilhelm Groener: Reichswehrminister am Ende der Weimarer Republik (1928–1932). München: Oldenbourg, 1993. 401 S.
14. Kane R.B. Disobedience and conspiracy in the German army 1918–1945. Jefferson; London: McFarland, 2002. 259 p.
15. Maercker L. v. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Geschichte des freiwilligen Landesjägerkorps. Leipzig: Koehler, 1921. 382 S.
16. Mulligan W. The Creation of the Modern German Army: General Walter Reinhardt and the Weimar Republik, 1914–1930. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2005. 247 p.
17. Niemann A. Kaiser und Revolution. Die entscheidenden Ereignisse im Großen Hauptquartier. B.: A. Scherl, 1922. 159 S.
18. Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. 2. Reihe. Militär und Politik. Bd. 2. Zwischen Revolution und Kapp-Putsch / bearb. H. Hürten. Düsseldorf: Droste, 1977. 378 S.
19. Sauer B. Vom «Mythos des ewigen Soldatentums». Der Feldzug deutscher Freikorps im Baltikum im Jahre 1919 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1995. Hf. 10. S. 869–902.
20. Seeckt H. v., Rabenau F. Aus seinem Leben 1918–1936. Leipzig: v. Hase & Koehler, 1940. 751 S.
21. Thaer A. Generalstabdienst an der Front und in der OHL. Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen / hrsg. von S. Kaehler. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1958. 332 S.
22. Untersuchungen zur Geschichte des Offizierkorps. Anciennität und Beförderung nach Leistung / hrsg. von W. Meier-Welcker. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962. 342 S.
23. Voss H. «Das neue Haus Reichswehr». Militärische Sozialisation im politischen und militärischen Übergang. Der Aufbau der Vorläufigen Reichswehr 1919–1920 und ihre politische Funktion in der Republik, dargestellt an ihren badischen Truppenteilen. St. Katharinen: Scripta-Mercaturae-Verlag, 1992. 362 S.
24. Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite. München: Piper, 1965. 260 S.

References (transliterated):

1. Balk V. Razvitie taktiki v mirovuyu voinu. Pg.: Izd-vo Petrogradskogo VO, 1923. 388 s.
2. Denis K. Desyat' let i dvadtsat' dnei. M.: Tsentrpoligraf, 2007. 495 s.
3. Korum Dzh. S. Kornii blitskriga: Gans fon Zekt i germanskaya voennaya reforma / Per. s angl. E. Durneva // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://militera.lib.ru>. (data obrashcheniya: 12.12.2014).
4. Lannik L. V. Germanskaya voennaya elita perioda Velikoi voiny i revolyutsii i «russkii sled» v ee razvitii. Saratov: Izd-vo SGTU, 2012. 536 s.
5. Lannik L. V. Zakanchivat' li voinu? Germanskaya voennaya elita mezhdru Komp'onom i Versalem // Pervaya mirovaya, Versal'skaya sistema i sovremennost'. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2012. S. 230–242.
6. Opisanie poslevoennykh boev germanskikh voisk i fraikorov. Vывod voisk s Vostoka / Per. s nem., komm. i nauch. red. L. V. Lannika. M.: Posev, 2014. 256 s.
7. Adjutant im preußischen Kriegsministerium, Juni 1918 – Oktober 1919. Aufzeichnungen des Hauptmanns Gustav Böhm / hrsg. von H. Hürten, G. Meyer. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1977. 168 S.
8. Aus den Geburtsstunden der Weimarer Republik. Das Tagebuch des Obersten Ernst van den Bergh / hrsg. von W. Wette. Düsseldorf: Droste, 1991. 263 S.
9. Geyer M. The German debate about a levee en masse in October 1918 // The Journal of Modern History. Vol. 73. № 3 (September 2001). P. 459–527.
10. Gleich G. v. Die alte Armee und ihre Verirrungen: eine kritische Studie. 2. Aufl. Leipzig: Koehler, 1919. 100 S.
11. Groener W. Das Testament des Grafen Schlieffen: Operative Studien über den Weltkrieg. B. E. S. Mittler & Sohn, 1926. 244 S.
12. Guth E. Der in der Revolution 1918–1920. Frankfurt/M.; Bern; New York: Lang, 1983. 256 S.
13. Hürter W. Wilhelm Groener: Reichswehrminister am Ende der Weimarer Republik (1928–1932). München: Oldenbourg, 1993. 401 S.
14. Kane R.B. Disobedience and conspiracy in the German army 1918–1945. Jefferson; London: McFarland, 2002. 259 p.
15. Maercker L. v. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Geschichte des freiwilligen Landesjägerkorps. Leipzig: Koehler, 1921. 382 S.
16. Mulligan W. The Creation of the Modern German Army: General Walter Reinhardt and the Weimar Republik, 1914–1930. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2005. 247 p.
17. Niemann A. Kaiser und Revolution. Die entscheidenden Ereignisse im Großen Hauptquartier. B.: A. Scherl, 1922. 159 S.
18. Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. 2. Reihe. Militär und Politik. Bd. 2. Zwischen Revolution und Kapp-Putsch / bearb. H. Hürten. Düsseldorf: Droste, 1977. 378 S.
19. Sauer B. Vom «Mythos des ewigen Soldatentums». Der Feldzug deutscher Freikorps im Baltikum im Jahre 1919 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1995. Hf. 10. S. 869–902.
20. Seeckt H. v., Rabenau F. Aus seinem Leben 1918–1936. Leipzig: v. Hase & Koehler, 1940. 751 S.
21. Thaer A. Generalstabdienst an der Front und in der OHL. Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen / hrsg. von S. Kaehler. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1958. 332 S.
22. Untersuchungen zur Geschichte des Offizierkorps. Anciennität und Beförderung nach Leistung / hrsg. von W. Meier-Welcker. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962. 342 S.
23. Voss H. «Das neue Haus Reichswehr». Militärische Sozialisation im politischen und militärischen Übergang. Der Aufbau der Vorläufigen Reichswehr 1919–1920 und ihre politische Funktion in der Republik, dargestellt an ihren badischen Truppenteilen. St. Katharinen: Scripta-Mercaturae-Verlag, 1992. 362 S.
24. Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite. München: Piper, 1965. 260 S.